

УДК 930.1

DOI: 10.47928/1726-9946-2021-21-1-52-63

Феномен Владимира Тлостанова в истории и процессах развития КБГУ

Тхагапсоев Х.Г.

Представлено академиком АМАН Шхагапсоевым С.Х.

В сознании большинства людей наука являет собой едва ли ни образец динамизма, постоянного самообновления и неумолимого поиска нового и неизведанного во всем. Между тем, далеко не все так радужно – здесь хватает консерватизма и даже своеобразного застоя, особенно методологического. Так, наука с энтузиазмом исследует природные, технико-технологические, экономические, социальные и культурные феномены и добилась в этом огромных успехов. Однако она почти не интересуется таким сложным и важным феноменом как личность человека, что и стоит не только за всеми социальными, экономическими и технологическими феноменами, но и за самой наукой. Разумеется, значимость личности человека и ее измерений в сфере творчества и власти, всегда признавалось и признается. Однако по мере усложнения форм нашей жизнедеятельности фактор личности обретает нарастающую роль и значимость, прежде всего в управлении так называемыми институтами развития – корпорациями, НИИ, университетами. Ведь ныне жизнь такова, что на нас непрерывно обрушиваются немыслимые информационные потоки; мы постоянно, во всем, всюду и везде ощущаем пугающую сложность и изменчивость мира, а точнее – современной цивилизации. Даже придуман термин «VUCA (вука) – мир» (от английских слов volatility – нестабильность, uncertainty – неопределенность, complexity – сложность, ambiguity – неоднозначность, амбивалентность), должный выразить грани и краски непривычности и невыразимой сложности этого мира [1]. Еще сложнее воспроизводство и развитие цивилизации, управление ею; критический отбор и систематизация ее достижений, трансляция этого уникального багажа знаний, опыта и технологий в сознание и дела нынешних и грядущих поколений. Эту задачу, как известно, выполняют образование, наука и культура, прежде всего университет – авангард и форпост интеллектуально-духовной деятельности человека. Неслучайно миссия университета как хранителя и транслятора цивилизаций, что исповедовали уже первые европейские университеты (Болонский, Парижский, Оксфорд) в последующем находит официальное закрепление в особом международном акте «Университетская Хартия» [2]. Неуклонное и неумолимое раздвижение горизонтов познания и науки, развитие мира технологий и культуры (в том числе и культуры демократии), хранение традиций гуманизма – вот, в чем эта хартия усматривает суть миссии университета.

Неудивительно, что университет, призванный к столь сложной миссии, стал едва ли ни самым многообразным и сложным из всех социокультурных институтов (институтов развития), изобретенных человеком. Сегодня университеты различаются не только по легендарной известности (Кембридж, Оксфорд, Сорбонна), как было длительное время, но также по сферам и направлениям деятельности, формам организации, принципам управления, характеру социально-культурной среды функционирования. Более того, в последнее время их стали различать по историческому времени их возникнове-

ния и становления. В итоге выделяют три типа университета: «1.0», «2.0», «3.0». Если «университет 1.0» – детище индустриальной эпохи (18-19 и начала 20 веков), настроен на трансляцию знаний и подготовку кадров по заданным властями и работодателем стандартам (как большинство российских университетов и сегодня), то «университет 2.0», возникший во второй половине 20 века на волнах технологических революций, ориентирован еще на выработку и «внедрение» (прикладное использование) научного знания, что определяет и особенности подготовки кадров в его рамках. А что касается «университета 3.0», он пока еще только складывается, нацелен на продуцирование инноваций (научных, социально-культурных, технологических, производственно-экономических, инфраструктурных) и на их распространение. Иначе говоря, этот тип университета претендует стать конструктором грядущих форм цивилизации и форм бытия человека.

Подобное многообразие форм организации позволяет университету, как воспроизводить сущностные грани цивилизации, так и выступать в роли механизма ее развития, в зависимости от вызовов времени, места и социально-культурных обстоятельств, которые и актуализируют ту или иную миссию университета, да и образования в целом [3-7].

Владимир Тлостанов, как свидетельствуют факты, с необычайной глубиной осознавал и тонко чувствовал всю сложность и все грани миссии университета, что во многом определило и обеспечило успех его ректорской деятельности – многогранной, сложной, масштабной.

Уже минуло треть века, как он ушел в мир иной, но и сегодня находятся люди, которые с нескрываемой обидой поминают его. В чем корень этих обид, ведь Владимир Калиметович не отличался злопамятством, не преследовал никого? Мне кажется, причина здесь кроится, прежде всего, в масштабах его преобразований в КБГУ, которые так или иначе затронули жизнь и судьбу каждого, кто в ту пору работал в университете. Понятно, сказывались и сложности его характера, его личности. А характер у Владимира Калиметовича был на редкость сложный. С одной стороны, он был очень рациональным человеком, все заранее продумывал, просчитывал, выстраивал, казалось бы, такой человек не может и не должен эмоционально реагировать на рабочие ситуации, на инерцию и сопротивление отдельных лиц или отдельных групп подчиненных. Однако он был очень раним, хотя изо всех сил скрывал это. В итоге получалось так, он тяжело переживал и трудно переносил, когда его продуманные и рационально выстроенные действия (в этом он был мастер) не встречали приятия окружающих (как ему хотелось), натыкались на интересы, эгоизм, самолюбие, инертность людей, чего в нашей жизни полно.

Конечно, постепенно он переводил ситуацию в рациональное русло, находил компромиссы, какие-то способы смягчения и устранения возникших обид и недоразумений, но мог отпустить и такие хлесткие характеристики в адрес конкретных людей, которые надолго (у некоторых, видимо навсегда) оставляли обиды (я бы сказал «рубцы на самолюбии»). К тому же, будучи человеком острого и масштабного ума, Владимир Келеметович скептично-иронично относился к формальной учености иных профессоров и доцентов, к их непомерно раздутому «Я» (увы, в вузовской среде завышенной самооценки всегда хватало и хватает), что, конечно же, нравилось далеко не всем. А кого-то (в том числе и власти предрежащих) раздражала еще и подчеркнутая независимость Тлостанова, его амбициозность.

В итоге сложности своего же характера нередко ставили Владимира Тлостанова в ситуацию «постоянного риска». С одной стороны, отношения с подчиненными были чреваты обидами, а с другой – отношения с начальством (КБР, в частности) неприятием его личности, что, увы, провоцировало иных работников КБГУ к «жалобам в инстанции» (понимая, что наверняка «наверху среагируют»). Но, как известно, при хорошем контроле даже серьезные риски сводятся на нет, а Тлостанов умел себя контролировать.

Теперь о главном, о «миссии Тлостанова», т.е. его созидательной роли и особом месте в истории и в процессах развития КБГУ, а точнее, в сложнейших перипетиях восхождения КБГУ «на планки университета».

Начну с того, что Владимир по-особому относился к своей ректорской работе. Хотя он об этом никогда не говорил, было видно, что свое ректорство он воспринимает как некую миссию, возложенную на него судьбой. Он как ректор ничего просто так, спонтанно, реактивно, по импульсивному порыву или идя навстречу настроениям окружающих, не делал, ко всему подходил основательно, системно, концептуально, выстраивая самые различные варианты действия. В этом плане показательно, как В. Тлостанов строил свою деятельность на первом этапе работы в должности ректора. Он приглашал к себе в конце рабочего дня то одного, то другого работника КБГУ и подолгу, основательно беседовал с ним. Вероятно, никто не считал сколько было этих «ночных собеседников ректора Тлостанова» в первые месяцы его работы, но хорошо известно, что их было много. Мне кажется это и сегодня очень актуальный прием для того, чтобы точнее сориентироваться и поскорее освоиться на новой работе.

С первых дней ректорства, он также начал что-то менять в структуре университета, в кадрах; словом, пускал, таким образом, в ход свою власть. Но и здесь, при всем своем самолюбии и независимости, действовал открыто и публично, прислушиваясь к людям, их оценкам (хотя мог не делать этого).

Чуть ли ни с первого дня он также начал обновлять Ученый совет университета. Здесь проявилась еще одна черта Тлостанова, которую мало кто подмечал – тяготение «к большому классическому стилю» (что, впрочем, очень важно, просто необходимо для успешного развития университета). В чем это выразилось? По классическим канонам (по меркам «большого стиля» больших университетов) в Совет вуза должны входить самые известные и авторитетные ученые. В реальной жизни, как правило, все выглядит иначе, в составе Ученого совета доминируют административные работники, т.е. вузовские начальники разных калибров: проректоры, деканы, руководители отделов и управлений, бухгалтерия. Так было до Тлостанова, примерно так обстоит и после него. Тлостанов же с первых же дней ректорства сформировал такой Ученый совет КБГУ, где явно доминировали не административные руководители, а яркие и энергичные ученые (С. Задумкин, Х. Хоконов, А. Нахушев, А. Темботов, И. Ахматов, К. Микитаев, Т. Кумыков, Х. Культербаев и др.). Он этому придавал большое значение. К тому же, тщательно подбирал вопросы для рассмотрения на заседаниях Совета и сам основательно готовился к ним. При этом, следуя опять-таки классическим канонам (нормам «большого стиля»), Владимир Келеметович время от времени произносил латинские крылатые фразы и выражения, оттеняющие идеи и суждения данного заседания Совета (ведь латынь долго оставалась языком университета и науки). Так он, что называется личным примером, задавал

культурно-интеллектуальные ориентиры членам Совета. Впрочем, и заседания совета, как правило, превращались в содержательный, а порой и горячий разговор, в ходе которого рождались перспективные идеи и предложения по поводу возможных механизмов развития КБГУ. Конечно, на этих заседаниях затрагивались и текущие вопросы жизни КБГУ, но ректора больше всего занимали именно перспективные вопросы и возможные пути развития университета.

Напомню, Тлостанов стал ректором в 1973 г., когда страна уже вползала в эпоху «позднего Брежнева», во времена застоя. Чтобы понять природу и характер преград на пути амбициозных планов и намерений Владимира Келеметовича дать серьезный толчок развитию университета, достаточно обратиться к государственно-управленческим правам и нормам того времени. Развитие понималось в основном количественно, любые попытки выхода на некие качественно новые формы и механизмы воспринимались как опасный авантюризм, как нечто неприемлемое. В этом контексте и развитие вуза понималось как осторожный, линейный и постепенный рост заранее заданного круга показателей общего контингента, набора специальностей, к чему могли приращивать по чуть-чуть из года в год. Даже умеренные структурные (т.е. качественные) изменения, скажем, организация в университете кокой-то новой кафедры в пределах существующей штатной численности надо было решать на уровне Москвы (Минвуза).

Нетрудно понять, что «нескромные планы» провинциального вуза на общем фоне брежневского «штиля» в Минвузе не могли быть встречены восторгами, безоглядной готовностью их поддержать, ведь КБГУ тогда числился по самому низкому разряду вузов (как вуз третьей категории). В итоге создавался по-настоящему замкнутый порочный круг, из которого необходимо было вырваться В. Тлостанову и КБГУ.

Всем известно утверждение, что история не знает сослагательного наклонения. И все же в динамичные и обнадеживающие хрущевские времена «оттепели», когда у нас наука и образование были на подъеме, а идеи качественного роста и структурного развития еще воспринимались и даже поддерживались в верхних эшелонах власти, КБГУ мог получить куда более интенсивное развитие, чем, увы, он имел на самом деле. Кого в этом винить? Виноваты власти республики, которые не воспользовались этим шансом, еще более виноваты ректоры КБГУ – предшественники Тлостанова, которым, похоже, не хватило горизонтов видения, креативности, энергии.

Хочу еще раз подчеркнуть, добиться качественного перелома в развитии провинциального университета в застойные 70-80 годы было крайне сложно. Но Тлостанову это удалось. Удалось только потому, что он сумел выстроить реальные механизмы развития КБГУ, а точнее, целый спектр подобных механизмов. Вот некоторые из них, наиболее важные на мой взгляд.

В ту пору у КБГУ не было собственных крупных проблем и направлений научного исследования; не было даже аспирантуры (если не считать сельхознаук и национальной историографии). К тому же, научные кадры (кандидаты и доктора наук) готовились главным образом в Баку и Тбилиси (и первый ректор КБГУ Х. Бербеков защищал свою докторскую диссертацию в Бакинском университете; и целый ряд проректоров той поры также защищали диссертации либо в Баку, либо в Тбилиси).

Получалось так, что от Баку и Тбилиси задавались идеи, тематика и уровень ис-

следований в КБГУ. В. Тлостанов отошел от этого курса и начал активно выстраивать отношения с российскими и союзными центрами науки (Москвой, Новосибирском, Ленинградом, Ростовом-на-Дону). Параллельно наращивались и объемы исследований в КБГУ, развивалась аспирантура, создавались диссертационные советы. Вот на этом новом фоне и в сложных дискуссиях с ведущими учеными университета родилась инновационная по тем временам идея – идея создания в КБГУ целого спектра (сети) своих научно-исследовательских институтов (НИИ).

Сегодня любой ректор росчерком пера может учредить десятки НИИ с замысловатыми названиями даже в самом захудалом университете. А во времена В. Тлостанова ректор такого права не имел – требовалось решение свыше. Да и в вузах тогда допускались всего лишь три типа структурных подразделений – факультет, кафедра, лаборатория (или учебный кабинет). Но Тлостанов и здесь нашел выход – объявил, что НИИ в КБГУ создаются на общественных началах, против чего трудно было возразить и начальству. А фактической основой этих НИИ стали научно-исследовательские работы на основе хозяйственных договоров с предприятиями промышленности, аграрного сектора, строительства, энергетики. При этом ректор всячески побуждал кафедры университета к организации своих научных исследований именно на такой основе, в том числе и за счет предоставления ученым значительной свободы в использовании хоздоговорных средств. Указанные средства шли, прежде всего, на приобретение оборудования, приборов, расходных материалов, специальной литературы.

Впрочем, за научными исследованиями вузовского преподавателя стоял конкретный заказчик и потребитель результатов – это серьезный (и весьма жесткий) фактор. Однако именно эта прямая ответственность ученого за конечный итог своих исследований стала настоящим механизмом роста ученого, роста КБГУ и его научного потенциала.

И еще, хоздоговорные исследования стали после появления НИИ строиться в их рамках. В итоге под эгидой НИИ на общественных началах был выстроен целый ряд управленческих ноу-хау, в том числе концентрация ресурсов развития (оборудования, денежных средств, расходных материалов), укрепление позиций научных лидеров (они-то и выдвигались на посты директоров НИИ), создание реальных условий для интеграции различных научных направлений. Подобные НИИ были за короткое время сформированы на физическом факультете (руководители – С. Задумкин и Х. Хоконов), на математическом (под руководством А. Нахушева) и на химическом (при директорстве А. Микитаева) факультетах. При этом НИИ на общественных началах не сводилась к механической концентрации ресурсов на науку в руках лидеров перспективных научных направлений, она предполагала также коллективное использование оборудования (исследовательской техники, измерительных приборов, парка ЭВМ), а главное – интеграцию науки и учебного процесса, к чему любой университет всегда и во все времена стремился и стремится.

Однако, при всей очевидной перспективности и привлекательности, реализация идеи НИИ наталкивалась на серьезное сопротивление, поскольку затрагивала интересы многих ученых, их привычный уклад, а главное – лидерские позиции конкретных работников КБГУ (которые давно привыкли к лидерству, считали это незыблемым). Исключением в этом плане стал, пожалуй, физический факультет. Здесь идея НИИ ни у кого не

вызывала серьезных возражений, поскольку уже существовал единый (или почти единый) научный коллектив, давно сложившийся вокруг С. Задумкина – признанного лидера физиков. На этом факультете создание НИИ фактически явилось организационным оформлением давно свершившейся консолидации научных сил и тематики научных исследований. Правда, С. Задумкин избегал административных функций, так директором НИИ физики был назначен Х. Хоконов, ближайший сподвижник и ученик С. Задумкина.

В то же время сложная (остро конфликтная) ситуация складывалась на математическом направлении. Здесь к таким вполне ожидаемым в условиях любого вуза источникам сопротивления созданию НИИ как конфликт интересов, амбиций и поколений, добавлялся еще один фактор – непростой характер А. Нахушева – директора НИИ.

Непростая ситуация складывалась и на химическом факультете – большая часть химиков не поддерживала идеи создания НИИ. Позже часть химиков (занятых проблематикой высокомолекулярных соединений) все же объединилась в НИИ под руководством А. Микитаева.

Создание НИИ натолкнулось на серьезное сопротивление и в коллективе биологического факультета, здесь шла острая борьба за научное лидерство между А. Темботовым (который в то время набирал научный вес) и М. Керефовой, реально и уже много лет лидировавшей на этом факультете при ректоре К. Керефове.

Что касается историко-филологического факультета и факультетов прикладного профиля (инженерного, медицинского, сельскохозяйственного, бухгалтерского учета), здесь не ставился вопрос о создании НИИ на их базе – в силу различных причин. В случае инженерного факультета причина очевидна, здесь инструментом развития является не только и не столько создание НИИ, сколько выполнение проектных и конструкторских работ. Постепенно так оно и случилось (к чему мы еще вернемся).

Не ставился вопрос о НИИ на историко-филологическом факультете, ориентированном на гуманитарные науки, вероятно, по той причине, что вопрос научного лидерства в отношении блока гуманитарных наук для В. Тлостанова был непростым и в чем-то личным. В коллективе КБГУ негласно признавали за ним эту роль, хотя вслух об этом никогда не говорилось. А коль скоро ректор итак напрямую формирует стратегию и актуальную тематику науки в КБГУ, какой резон сооружать еще какую-то «промежуточную структуру» в виде НИИ под управлением того же ректора. Ведь В. Тлостанов заведовал кафедрой философии, которая в советской вузовской системе занимала официально закрепленную роль теоретического и методологического лидера науки, особенно социально-гуманитарной.

До сих пор речь больше шла о той непростой ситуации, в которой рождалась структурная новация, получившая название «НИИ на общественных началах». Для необычайно консервативной вузовской практики брежневской эпохи появление этих НИИ (при всех баталиях вокруг них) было серьезным прорывом в концептуальном и структурно-организационном развитии университета. Этого не могли не заметить и не оценить в Минвузе. Акции В. Тлостанова стали возрастать, рос и статус КБГУ: за довольно короткое время он продвинулся от третьей (низшей категории) до первой (самой высокой).

Как показало время, появление НИИ в составе КБГУ имело далеко идущие последствия. Дело в том, что НИИ математики (руководимый А. Нахушевым) и НИИ экологии

(во главе с А. Темботовым) в последующем выросли в самостоятельные исследовательские институты, финансируемые из бюджета Российской Федерации, что сделало принципиально возможным появление структур и структурных подразделений Российской Академии наук в нашей республике.

Одновременно с естественными науками В. Тлостанов продвигает и развитие инженерного образования в КБГУ, начинается подготовка кадров по информатике, системотехнике, микроэлектронике. Более того, на основе достижений КБГУ создаются отраслевые лаборатории союзного значения по технологии алмазной обработки (под руководством Х. Тхагапсоева) и механике прочности машин для атомной энергетики (под руководством Х. Чеченова), что редко удается даже именитым вузам. Так Тлостанову фактически удалось создать в Нальчике, Кабардино-Балкарии университет типа «2.0» – самый современный тип для того времени.

О подобных перспективах роста науки и университета, в нашей республике тогда никто и не предполагал. Речь шла о решении двух ключевых вопросов, призванных вывести КБГУ на университетский уровень (на университетскую планку и культуру), на уровень признания в самом вузовском сообществе, а именно о росте объемов НИР, а также интеграции НИР и образовательного процесса.

Кто знаком с вузовским процессом, знает, что интеграция науки и учебного процесса – это сложная и трудно решаемая задача, которая всегда сопряжена с массой вопросов о формах и механизмах подобной интеграции. А главное, подобная интеграция возможна лишь при наличии больших объемов НИР. Впрочем, что касается объемов НИР, они после появления НИИ в университете настолько возросли и приносили столь значительные средства, что КБГУ замахивался даже на капитальное строительство новых корпусов за счет собственных средств (собственных доходов от НИР), что было редчайшим явлением в советской практике управления вузом.

Конечно, Тлостанов прекрасно понимал, что средства, зарабатываемые учеными университета лучше тратить на приобретение научного оборудования и специальной литературы, на оплату труда ученых. Так оно и делалось, а те здания, строительство которых все же было начато за счет хоздоговорных средств, впоследствии достраивались за счет денег из бюджета Минвуза. Действовавшие в то время порядки были таковы, что легче было добиться включения в государственные планы такого объекта, строительство которого уже начато. Тлостанов пользовался этими формами «наивности» бытующих порядков: начинал строить объект за счет доходов от НИР, а завершал их строительство на деньги, выделенные Минвузом.

Однако несмотря на все очевидные достижения КБГУ в своем развитии, сообщество вузов (ректорское сообщество) по-прежнему относился к нашему вузу снисходительно, как к «активничавшему» провинциальному вузу. Ведь научный мир, как известно, скепичен. Чтобы он признал рост КБГУ, а главное, увидел в нем «ровню», было совсем недостаточно односторонней активности по наращиванию объемов хоздоговорных работ или открытия «НИИ на общественных началах». Тлостанов это прекрасно понимал, серьезно переживал по этому поводу и продолжал поиски путей утверждения авторитета КБГУ на общей вузовской арене Союза. В этом контексте и начались амбициозные действия к тому, чтобы КБГУ заявил о себе как место (пространство, площадка) проведения,

а точнее организатор и «хозяин» крупных научных мероприятий международных и все-союзных. И это себя оправдало. КБГУ в период ректорства Тлостанова стал (и был) едва ли не «новой Меккой» для различных научных конференций, симпозиумов, форумов, в том числе и международных, что в советское время было крайне сложно. Теперь в Нальчике стали собираться ведущие ученые СССР (и не только), чтобы обсуждать проблемы физики межфазных явлений, химии высокомолекулярных соединений, дифференциальных уравнений, экологии горных территорий, т.е. тех областей науки, в которых за КБГУ уже признавались серьезные достижения, а то и явное лидерство.

Владимир Калиметович был захвачен и увлечен этим новым феноменом в жизни университета, убедительно приподнимающим его в глазах всего вузовского и научного сообщества СССР.

Вскоре для В. Тлостанова стал очевиден и другой факт – научный мир рационален и расчетлив; он не упустит случая совместить полезное с приятным, а именно: участие в научной конференции на лоне прелестной южной природы или горных пейзажей. И ректор начинает развивать научную (а точнее «научно-туристическую») базу КБГУ в Приэльбрусье. Эту базу просто обожали ученые из научных центров страны, да и ныне служит опорой, увы, изрядно упавшего научного авторитета КБГУ. Вероятно, в утверждении научного авторитета нашего университета на общероссийской и общесоюзной арене в ту пору появление базы в Приэльбрусье сыграла не меньшую роль, чем сами научные достижения наших ученых.

А В. Тлостанов продолжал искать все новые и новые факторы и способы подъема КБГУ, включая и спорт. Он знал, как много значит уровень организации игрового спорта (футбола, большого тенниса, регби) для авторитета и влияния университета на том же Западе. И вот в КБГУ начинается «раскрутка» команды по регби («Университет»), которой удалось стать двукратным чемпионом России и войти в высшую лигу СССР. Не отставала и женская волейбольная команда КБГУ. А поиски факторов подъема университета продолжались.

В советское время в вузах, где действовали военные кафедры, студенты не призывались в армию (что, понятно, нравилось матерям). Такая кафедра действовала и в КБГУ, тихо, рутинно, «по уставу». Владимир Келеметович занялся этой кафедрой, понимая, что в процессах его развития можно найти опору у высокого военного начальства. Расчет оправдался, вскоре Министерство обороны СССР всерьез заинтересовалось происходящим в КБГУ. И не только, это министерство стало использовать военную кафедру КБГУ как опорный центр переподготовки и повышения квалификации начальников и преподавателей военных кафедр в вузах СССР. Это было уже всесоюзным признанием КБГУ.

Едва ли возможно в ограниченных рамках статьи разложить и показать огромный спектр подходов, организационных форм, конкретных управленческих механизмов, на которых опирался В. Тлостанов в своей стратегии развития университета, а главное, в которых раскрывались грани его креативности. Но бесспорно одно, возникновение НИИ задало новый исторический этап и качественно новый уровень развития КБГУ. Именно становление НИИ с большими объемами финансируемых исследований позволило КБГУ дотянуться до «планок высшего полета» университета. Речь идет в том числе и об инте-

грации науки и учебного процесса (что сложно всегда и везде для любого университета), а также о выходе университетской науки на реальные междисциплинарные исследования, что еще сложнее.

Впрочем, междисциплинарный подход к организации научных исследований и сегодня остается актуальной и желанной стратегией для любого вуза и научного коллектива. А КБГУ уже в то время удалось «оседлать» эту стратегию по ряду областей и направлений науки. В порядке иллюстрации приведу пример, известный мне в деталях (как участнику, руководителю). Так, в разработке методов повышения рабочего ресурса алмазных инструментов (и инструментов из сверхтвердых материалов) принимали участие физики С. Задумкин, А. Темроков, Ю. Хапачев, математики М. Ошхунов, М. Шхануков, инженеры М. Бейтуганов, Б. Хапачев, З. Беров, М. Яхутлов, М. Диданов, О. Бозиев, Р. Эльбаева, Л. Гостищева.

В ходе этих исследований в КБГУ родилась одна из таких технологий, которые сегодня именуются с приставкой «нано». Тогда мы обходились без этой приставки. Речь шла о нанесении с помощью лазеров тончайшего слоя вольфрама или титана на поверхность алмаза (и других сверхтвердых материалов). Эта технология и ныне остается востребованной (остается и в перечне научных интересов КБГУ).

Сегодня существуют всевозможные рейтинги, которые призваны оценивать и показывать уровень университета, его успешность и степень признанности в университетском сообществе. В их числе общий рейтинг вуза, рейтинг его успешности в науке и т.д. В пору ректорства В. Тлостанова таких рейтингов не было, но были другие общепризнанные индикаторы оценки вуза. В частности, если Академия наук СССР или конкретные известные академики проявляют интерес к научным исследованиям и к ученым того или иного университета – это четкий признак его успешности в науке. В этом плане показательны следующие примеры: А. Нахушев в те годы вошел в состав авторского коллектива математической энциклопедии, созданной АН СССР. Научные труды А. Темботова в области зоологии были изданы с грифом этой же Академии. Ученые КБГУ сотрудничали и даже тесно дружили с известными и именитыми академиками, в числе коих А.В. Бицадзе (математик), В.Е. Фортов (физик), В.В. Коршак (химик), В.Е. Соколов (зоолог). Историки университета (Т. Кумыков, Г. Мамбетов) вошли в число авторов академического издания «История Северного Кавказа» под руководством академика А.Л. Нарочницкого.

Этот перечень примеров научной активности и успешности КБГУ далеко не исчерпывающий. А что касается общей успешности («общего рейтинга») КБГУ, ее в ту пору оценивали и выражали публично руководители и высокопоставленные работники Минвуза. Мне (будучи министром образования и науки КБР), и не только мне, приходилось много раз слышать, как В.Г. Кинелев, один из самых капризных министров, который когда-либо руководил отечественным высшим образованием, высоко оценивал КБГУ и его достижения; регулярно заявлял публично, что в министерстве «высоко ценят мнение ректора В. Тлостанова, а он гордится дружбой с ним».

Но самое главное в том, что за относительно короткое время (5-7 лет) Владимиру Келеметовичу удалось качественно изменить ситуацию в университете от материально-технической базы, до уровня научной продукции КБГУ и самосознания университетского коллектива. Здесь ощущение «восхождения к высотам и планкам университета», к стилю

и нормам университетской культур стало едва ли ни всеобщим.

Известно на множестве примеров, что общий дух учебного заведения определяется, прежде всего, личностью руководителя, его масштабностью и характерологическими особенностями, его креативностью и амбициями.

Характерно, что энергия амбиций (под стать самому В.К. Тлостанову) в те годы в КБГУ заявляла о себе чуть ли ни на каждой кафедре, каждом факультете. В этом плане особенно показателен инженерный факультет.

В практике принято потенциал вуза (факультета, кафедры) измерять количеством «остепененных» – докторов и кандидатов наук. Но оказалось, что существует куда более важная мера творческого и созидательного потенциала вуза – уровень амбиций кадров. В то время на небольшом инженерном факультете одновременно работали Хачим Кармоков, Хусейн Чеченов, Анатолий Туркинов и автор этих строк, которые в последующем заняли заметные позиции не только во власти КБР, но и Российской Федерации. «Энергия амбиций» была ключом и на многих других кафедрах и факультетах КБГУ вовсе не ограничивалась приведенным списком.

Однако было бы ошибочно полагать, что все в КБГУ вершилось и создавалось благодаря лишь озарениям и личным усилиям В. Тлостанова. Разумеется, это не так, при всей его талантливости и неутомимости.

Секрет «феномена Тлостанова» кроется, прежде всего, в том, что он умел терпеливо работать с каждым активным ученым и равнодушным преподавателем и при этом находить способы воплощения их творческих идей. В успехах той же военной кафедры главную роль играл ее начальник полковник Т. Ахметов. А что касается становления НИИ и отраслевых лабораторий в КБГУ, за этим стояли труд и достижения целого ряда ведущих ученых университета. Конечно, в университете при всех стараниях ректора, увы, сохранялись и «болезни вузовской жизни» той поры (и не только той), неодолимая субъективность на вступительных экзаменах, коррупция.

Порой Владимир Калиметович шел даже на крайне рискованные с точки зрения законности меры, в частности на прослушивание и аудиозапись хода вступительных экзаменов. Но и это не гарантировало «полной стерильности» этих экзаменов и их результатов.

Но все же, именно «феномен личности» – редкостное сочетание в Тлостанове глубокой образованности, поразительной работоспособности (его рабочий день длился, как правило, с 7:00 утра до 22:00-23:00 вечера и продолжалось это годами), управленческого таланта и по-юношески амбициозной мечты о «большом университете высокой академической культуры» стало той подъемной силой, что вывела КБГУ на реальные и общепризнанные университетские орбиты, на уровень университета типа «2.0», что было успехом и по сей день неосознанным в полной мере.

Однако судьба В. Тлостанова, увы, вовсе не была выслана ковром триумфатора: она была полна трудностей и преодолений, по-настоящему драматична, а в чем-то и трагична. Как уже подчеркивалось, и по сей день находятся люди, которые с обидой поминают его, укоряют в разных грехах.

Но фатальным ударом судьбы для него стали 90-е годы. За обрушением советской страны последовало и крушение бюджета КБГУ, его уже не хватало даже на поддержание презентабельного облика университета. Руководители НИИ, на создание, которых

ушли годы жизни и упорного труда, бросились искать спасение своим институтам за пределами КБГУ, покидая его стены, что стало «предательством» в восприятии ректора. Но самое главное в том, что Владимир Калиметович так и не принял, не смог принять, отказа страны от курса социализма, его завораживающей идеологии. В словах и оценках Владимира порой проступала горечь разочарования, опустошенность. На этом фоне его трагический уход из жизни стал (и остается) символом безмерных потерь в 90-е годы в судьбах и истории страны, в судьбах образования, науки и культуры. Но масштаб В. Тлостанова, если угодно «феномен Тлостанова» столь огромен, что любой текст по этому поводу (и данный тоже), вероятно, будет неполным и в чем-то неубедительным, а любые оценки его деятельности и жизненных перипетий будут и далее вызывать несогласие, возражения, новые интерпретации, такова судьба и участь масштабных людей, феноменальных личностей.

И в заключение. Любой текст о свершениях ушедшего в мир иной в какой-то мере являет собой дань его памяти, что в общем относимо и к этому тексту. Однако он изначально преследует иную цель – показать как феномен личности ректора становятся ничем незаменимым ресурсом и механизмом развития университета, творения и выражения его духа.

Едва ли кто-то усомнится в том, что личность (феномен личности) Пушкина и его творчество выражают дух и суть русской культуры куда точнее и полнее чем сотни томов ученых текстов. Это в полной мере относится и к феноменам «Расул Гамзатов», «Кайсын Кулиев», «Давид Кугультинов», дела и творения которых вправе претендовать на самую исчерпывающую форму выражения своих культур. В этом контексте представленные размышления и «феномене Тлостанова» являют собой критический укор в адрес гуманитарной научной методологии, в рамках которой феномен личности все еще подается и трактуется преимущественно на уровне биографических справок или психологического портрета (порой даже психических девиаций), к тому же от далеко небезупречной аксиомы будто «личность формируется средой». Ведь несчетные факты говорят о другом – личность рождается лишь в процессах «преодоления среды» и заявляет она о себе прежде всего и более всего культурными прорывами. В этом смысле именно феномен личности является драйвером развития культуры и ее главных институтов, начиная с главного института развития цивилизации, с университета. Свидетельство тому – «феномен Тлостанова».

ЛИТЕРАТУРА

1. Другова Е. А., Калачикова О.Н. Специфика принятия управленческих решений в университетах в условиях VUCA-мира // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23, № 1-2. С. 81-92.
2. Magna Charta. Bologna, 1988.
3. Тхагапсоев Х.Г. Образование: канун новой парадигмы. М., «Просвещение», 1997. 98 с.
4. Тхагапсоев Х.Г. Философия образования: проблемы развития региональных систем. Нальчик, «Эль-Фа». 1997. 254 с.
5. Тхагапсоев Х.Г. К особенностям социального бытия современной России // Философские науки. 2007. № 9. С. 48-66.

6. *Тхагапсоев Х.Г.* Компетентностное образование: к проблеме воплощения // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 71-76.
7. *Тхагапсоев Х.Г.* Университет – к стратегии движения за горизонт // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 8-9. С. 83-90.

ABSTRACT

The article argues that the personality factor is of decisive importance not only in complex forms of creativity and political processes, but also in the management of development institutions – universities, corporations, research institutes. From these positions, the role of Vladimir Tlostanov in the development of KBSU is interpreted.

Keywords: university, university mission, university typology, university management, personality factor in the management of development institutions.

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik

© Kh.G. Tkhaqapsoev, 2021

АННОТАЦИЯ

В статье утверждается, что фактор личности имеет решающее значение не только в сложных формах творчества и в политических процессах, но и в управлении институтами развития – университетами, корпорациями, НИИ. С этих позиций интерпретируется роль Владимира Тлостанова в процессах развития КБГУ.

Ключевые слова: университет, миссия университета, типология университета, университетское управление, фактор личности в управлении институтами развития.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик

© Х.Г. Тхагапсоев, 2021